

Конюхова М. В.

«НА ГРАФСКИХ РАЗВАЛИНАХ» (Графская Славянка)

В четырех километрах от Павловска, на шоссе, ведущем в Гатчину, расположен поселок с прозаическим названием «Динамо». Здесь, на склоне реки Славянки, раскинулся заброшенный парк с прудом в виде буквы «S» и развалинами старого дворца. Это романтическое место под названием «Графская Славянка» в первой половине XIX века пережило свой расцвет. Здесь соединились судьбы трех замечательных людей: хозяйки дворца Юлии Павловны Самойловой, архитектора Александра Брюллова и великого художника Карла Брюллова.

Жизнь и взаимоотношения этих людей ярко характеризуют общество Золотого века, давшего России целую плеяду замечательных художников, поэтов, музыкантов, архитекторов, актеров, а также умных и образованных женщин, необыкновенных красавиц, вдохновлявших всех этих талантливых мужчин на создание гениальных произведений искусства. Одной из таких женщин была Юлия Павловна Самойлова – муза братьев Брюлловых.

Кто же она такая – графиня Самойлова? Вот как описывает ее М. И. Пыляев в своей книге «Забывтое прошлое окрестностей Петербурга» (1889): «Была в Петербурге в большом свете женщина, которую звали, и не без основания, царицею салонов. Она была и красива, и умна, и обворожительна, и прелестна в одно и то же время. <...> Женщина эта была графиня С-ва».

Юлия Павловна, в замужестве Самойлова, была последней представительницей рода Скавронских. Ее предок – Карл Скавронский – был одним из братьев Екатерины I. После смерти Петра она пожаловала своих братьев Карла и Фридриха графским титулом и мызой, сменившей шведское название Карлберг на русское Графская Славянка. После завоевания русскими войсками этих земель Петр I подарил Карлберг Екатерине, там она часто отдыхала летом в специально построенном для нее большом деревянный доме. Эту мызу Екатерина и подарила своим братьям.

У Фридриха не было детей, и имение унаследовал сын Карла – Мартин (Мартын), а затем внук – Павел. Павел Мартынович женился на Екатерине Васильевне Энгельгардт – племяннице Потемкина. Их младшая дочь Мария стала женой генерала П. П. фон дер Палена. Единственная дочь Марии Павловны и Павла Петровича Юлия родилась в 1803 году. Обстоятельства ее рождения не совсем ясны и породили предание о том, что Юлия Павловна была внебрачной дочерью графа Литты, состоявшего, по слухам, в связи с Марией Пален.

Итальянский аристократ Джулио Литта поступил на русскую службу в 1789 году, еще при Екатерине II. После смерти Екатерины Юлий Помпеевич, как его стали именовать в России, успел послужить еще трем императорам, получить графский титул и русское подданство, жениться на вдове Екатерине Васильевне Скавронской, и таким образом стать «дедушкой» Юлии Павловны.

Род Литта был не из последних в Италии, ибо вел свое происхождение от средневековых правителей Милана – Висконти. На службе у них одно время состо-

ял Леонардо да Винчи. Так от Висконти через графа Литту прослеживается путь знаменитой «Мадонны Литта», которая ныне украшает Эрмитаж.

В семье потомков Литты сохранилось предание, по которому, благодаря жеманности на бабке Юлии Павловны, граф смог легализовать свои отцовские чувства и передать «внучке» свое состояние, что иначе сделать было бы невозможно. Граф Литта умер в 1839 году, оставив Юлии Павловне несметные богатства в России и Италии. Она стала владелицей дворца в Милане и виллы в его окрестностях, а также загородного дома под Парижем. Кроме того, ей досталась огромная коллекция произведений искусства, в которую входили шедевры Античности, Возрождения и произведения русских мастеров. Это собрание картин и скульптур пользовалось большой популярностью в Италии, где теперь большую часть времени жила Самойлова. Нередко любители искусства специально приезжали в Милан, чтобы увидеть ее коллекцию. Значительную роль в культурной жизни Милана играл и литературно-художественный салон Юлии Павловны.

В 1826 или 1827 году Юлия Павловна познакомилась с молодым художником, о котором она уже много слышала – Карлом Брюлловым. Начался их роман, вспыхнувший мгновенно и продолжавшийся много лет.

II

Карл Брюллов родился в 1799 году и принадлежал к многочисленному семейству Брюлло. Художественная карьера семьи началась с прадеда – француза, который приехал из Германии в Петербург в 1733 году и стал художником-лепщиком на фарфоровом заводе. Его внук – Павел Иванович Брюлло – стал уже «академиком орнаментальной скульптуры». В свою очередь и художественно одаренные сыновья Павла Ивановича поступили учиться в Академию художеств. В самом конце 1820 года с дипломом 1-й степени окончил Академию Александр Брюлло, а чуть позже – Карл, с золотой медалью. В 1822 году Общество поощрения художников, до которого дошли сведения о блестящих успехах братьев, решило послать их пенсионерами за границу. Перед отъездом император Александр I в знак монаршей милости разрешил им русифицировать фамилию, добавив в конце букву «в».

16 августа 1822 года братья Брюлловы покинули Петербург. За время девятимесячного путешествия молодые художники знакомились с историей и искусством Западной Европы. 2 мая 1823 года Александр и Карл въехали в Рим. Вечный город пленил их сразу и навсегда. Италия стала для них, как и для многих русских писателей и художников, землей обетованной.

Братья поселились вместе, много работали и путешествовали, легко вошли в среду художников и в римское светское общество. Несмотря на то, что оба брата пользовались большим успехом как портретисты, Александр более тяготел к архитектуре. Желая основательно изучить античность, он отправился на раскопки в Помпеи, где производил обмеры античных терм. В 1826 году Александр выехал в Париж, где одновременно с подготовкой своего труда к изданию продолжил архитектурное образование.

Оставшийся в Италии Карл пробовал свои силы в академических композициях, множество из которых остались незаконченными. Четыре года отдал он копии со знаменитой ватиканской фрески Рафаэля «Афинская школа». Сегодня она украшает залы Академии художеств. В 1824 году Карл Брюллов создал свою первую жанровую картину «Итальянское утро», затем – «Итальянский полдень». В 1829 году он отказался от пенсионера «Общества поощрения художников», объясняя это огромным количеством частных заказов.

Существует множество свидетельств о невероятной популярности Брюллова-портретиста. За годы пребывания в Италии им, в разных техниках, создано около ста двадцати портретов. В обширную галерею его живописных образов входят русские художники, скульпторы, писатели, представители русской и итальянской знати, артисты театра «Ла Скала» и, конечно, люди, близкие сердцу художника. Герои портретов Брюллова – незаурядные яркие личности; запечатленные в момент взлета, внутреннего подъема, они покоряют полнотой жизненных сил.

Летом 1827 года по приглашению Анатолия Николаевича Демидова Карл Брюллов отправляется осматривать раскопки Помпеи. Через шесть лет в зале Петербургской Академии художеств перед выставленной картиной «Последний день Помпеи» будет толпиться весь Петербург.

Для нашей темы в картине важно не только одно женское лицо – лицо Юлии Самойловой; важен главный женский тип, великолепно охарактеризованный Н. В. Гоголем в статье «Последний день Помпеи»: «... женщина его блещет, но она не женщина Рафаэля, с тонкими, незаметными ангельскими чертами, – она женщина страстная, сверкающая, южная, итальянская во всей красоте полудня, мощная, крепкая, пылающая всей роскошью страсти, всем могуществом красоты, – прекрасная как женщина». Впервые Брюллов создал такой женский образ в картине «Итальянский полдень». Познакомившись с Самойловой, он встретился с живым воплощением своего идеала. В картине «Последний день Помпеи» окончательно сложился тот женский тип, который впоследствии стали называть «брюлловским».

В 1833 году при содействии Юлии Павловны картина была экспонирована на Миланской выставке. «Успех картины “Гибель Помпеи” был, можно сказать, единственный, какой когда-либо встречается в жизни художника! Это великое произведение вызвало в Италии безграничный энтузиазм, – писал в своих воспоминаниях Г. Г. Гагарин. – Города, где картина была выставлена, устраивали художнику торжественные приемы <...>. Везде его принимали с почетом, как общеизвестного торжествующего гения, всеми понятого и оцененного». Такие великие произведения рождаются от союза таланта, времени и особого состояния души – божественная муза любви водила кистью художника. Вся картина пронизана любовью: матери к детям и ребенка к матери, сыновей к отцу, юноши к невесте... Это замкнутый круг любви.

Во время работы над картиной Брюллов пользовался костюмами героев оперы Джузеппе Пачини «Последний день Помпеи», которая шла в это время с большим успехом. Плодовитым композитором Пачини написано около девяноста опер, но ни одна из них не осталась на сцене до наших дней. Юлия Павловна была дружна с композитором и даже взяла на воспитание его маленькую дочь Амалию и племянницу Джованну. Обе девочки изображены на картинах Брюллова той поры. В Третьяковской галерее находится картина «Всадница»: на коне – Джованна Пачини, на балконе – Амалия. Вторая картина «Портрет гр. Ю. П. Самойловой с воспитанницей Джованиной Пачини и арапчонком», как видно даже из названия, также содержит изображение Джованны (в частной коллекции, США).

Не случайно все портреты начала 1830-х годов светлые, радостные. Художник влюблен, любим, счастлив!

III

Александр Брюллов в 1830 году вернулся в Петербург уже профессиональным архитектором. Еще в Париже он получил письмо от Ю. П. Самойловой следующего содержания:

«Милостивый государь! Вы меня не знаете и, конечно, никогда не слыхали обо мне, но я рекомендую себя вам, как подругу вашего брата Карла, и как человека, умеющего ценить редкий талант и гений этого необыкновенного человека. . .

В качестве друга вашего брата я решаюсь писать вам и просить вас быть архитектором дачи, которую я собираюсь строить в моем имении Славянке близ Петербурга. Мне дорого иметь архитектором того, кто носит имя Брюллова»¹. Вернувшись в Россию, Александр Брюллов, сразу приступил к исполнению этого заказа. В 1830 году он разработал проект реконструкции служебных корпусов и постройки главного жилого здания с частичным использованием ранее существовавшего здесь дома. По мнению Галины Андреевны Оль, архитектора и знатока творчества А. П. Брюллова, историческая ценность дома заключалась в том, что это был один из первых в России образцов жилища нового типа, в котором главное внимание уделено не помпезности помещений, а их удобству². В отделке соразмерных, гармоничных, целесообразно расположенных помещений было отражено стремление к интимности и покою. Из небольших, замкнутых, уютных комнат различной конфигурации через эркеры открывался широкий вид на окружающую природу, которая сама как бы входила в дом, в комнаты с встроенными мягкими диванами, где так хорошо беседовать с друзьями.

Большая библиотека, собрание художественных редкостей, а главное – сама хозяйка, заражавшая гостей своей веселостью и неистощимой любовью к прекрасному, привлекали сюда петербуржцев. Во время ее приездов в Россию здесь, также как и в Италии, танцевали, спорили, читали стихи, говорили обо всем, что волновало тогда культурную Россию. Частым гостем дома был и его создатель, Александр Брюллов.

В 1837 году, когда в результате постройки железной дороги Павловск стал центром летней культурной жизни, Брюллов построил здесь дачу для своей семьи. Здесь часто гостили его брат Карл, М. И. Глинка, Н. В. Кукольник, бывал Н. В. Гоголь. Теперь, когда в 1839 году Самойлова приехала в Россию, они были уже и соседями, что еще более усилило их дружбу. Эта женщина оставила глубокий след в душе Александра Павловича Брюллова. Одну из своих дочерей, родившуюся в 1850 году, он назвал Юлией.

IV

В конце 1835 года, после тринадцатилетнего пребывания за границей, вернулся в Петербург и стал профессором исторического класса Академии художеств Карл Брюллов. В 1838 году на одном из домашних музыкальных вечеров он познакомился с дочерью рижского бургомистра Эмилией Тимм. Не только красота ее, но и талант привлекли художника: Эмилия была талантливой пианисткой. Покоренный Брюллов сразу стал писать ее портрет, изображающий Эмилию в белом кисейном платье с букетом ландышей. Однако портрет остался незаконченным. Еще до свадьбы между ними произошла размолвка, но родители девушки уладили дело. «... Я в жизнь свою не видел, да и не увижу такой красавицы», – писал о невесте Тарас Григорьевич Шевченко, присутствовавший на свадьбе, которая состоялась в январе 1839 года.

Жизнь Брюллова внешне не изменилась, но в начале марта 1839 года жена ушла от него. В постановлении Санкт-Петербургской духовной консистории о расторжении брака говорилось, что «отношения между супругами были крайне пе-

¹ Цит. по кн.: Оль Г. А. Александр Брюллов. Л., 1983. С. 48.

² Там же.

чальными». Весть о разводе Брюллова быстро разнеслась по Петербургу. Поползли слухи о недовольстве царя. Брюллову пришлось оправдываться. Он пишет письмо шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу, где описывает всю историю своего несчастного брака: «... я так сильно чувствовал свое несчастье, что боялся лишиться ума».

И вот именно в это тяжелое для Брюллова время в Петербург приехала по делам наследства Ю. П. Самойлова. Ее нежная забота помогала забыть удары судьбы, вернуться к жизни и творчеству. Их привязанность не умерла в результате долгой разлуки. «Мой дружка Бришка, ... – писала она ему в письмах, – люблю тебя больше, чем изъяснить умею, обнимаю тебя и до гроба буду душевно тебе привержена»; «... я поручаю себя твоей дружбе, которая для меня более чем драгоценна и повторяю тебе, что никто в мире не восхищается и не любит тебя так, как твоя верная подруга».

Брюллов берется за новый портрет Самойловой. Он называет его «Маскарадом жизни» – это одно из самых искренних, поэтических и вдохновенных творений Брюллова, подлинная жемчужина в его блестящей галерее женских образов. «Портрет Ю. П. Самойловой, удаляющейся с бала с воспитанницей Амацилией Пачини» – так он называется в экспозиции Русского музея. Вспоминаются стихи Пушкина:

Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сияньи исчезает.

Но портрет остался незаконченным, так как в 1840 году Юлия Павловна уезжает. «Много других портретов и картин можно было бы отдать за то, чтобы эта картина была окончена Брюлловской рукой. Не знаю, какие обстоятельства, какие причины (какой, быть может, безрассудный каприз) помешали окончанию этого удивительного портрета», – написал В. В. Стасов уже после смерти художника.

V

В 1849 году К. П. Брюллов покинул Россию, надеясь, что в Италии сможет поправить свое здоровье, подорванное тяжелыми работами по росписи купола Исаакиевского собора. Он скончался 23 июня 1852 года в местечке Марциана в доме своего друга Анжело Титтони и похоронен на римском кладбище Гестаччо. Семья Титтони чтит память русского художника, ревностно сохраняя все его работы и комнату, где он жил и умер.

А. П. Брюллов прожил большую и счастливую жизнь. У него было пятеро детей, он достиг высоких чинов, богатства, полного признания: постройки его украшают центр Петербурга. Александр Брюллов умер в возрасте семидесяти девяти лет и похоронен в любимом Павловске, где находится его дача, сохранившаяся до наших дней и являющаяся достопримечательностью города. Рядом с ним по иронии судьбы похоронена Эмилия Тимм.

Эмилия сразу после развода с Карлом Брюлловым уехала в Ригу, затем в Париж, где продолжала совершенствоваться в исполнительском мастерстве под руководством Шопена. Она выступала в публичных благотворительных концертах. Лист отзывался о ней, как о выдающейся пианистке. В 1844 году она вернулась в Петербург и вышла замуж за сына писателя Н. Н. Греча.

Ю. П. Самойлова пережила Брюллова на двадцать три года. Графиня вела расточительный образ жизни. Дела ее пришли в такое плачевное состояние, что она была вынуждена расстаться даже с собственными портретами, выполненными ки-

стью горячо любимого ею человека и художника. Умерла графиня Самойлова в возрасте семидесяти двух лет в Париже. Встречались ли Юлия Павловна и Карл Павлович перед смертью художника – неизвестно. Но хочется верить, что встретились.

Графскую Славянку Юлия Павловна продала в 1846 году после второго замужества и принятия иностранного подданства. Усадьба, которую купил Николай I, стала называться Царской Славянкой. Долгое время там размещался «Детский приют трудолюбия», затем имение использовалось как дача для воспитанниц женских гимназий, после революции – дом отдыха ученых.

Во время войны в особняке был штаб испанской «Голубой дивизии». Летом 1943 года во время празднования фашистского мятежа в Испании, на здание был совершен артналет. С этого момента оно стало разрушаться и разрушается до сих пор. Восстановлению не подлежит.

Глядя на графские развалины, вспоминается название последней, так и ненаписанной картины Брюллова «Всеразрушающее время». Всеразрушающее время царствует здесь.